

Я ДРАЛСЯ В АФГАНЕ

**ОКОПНАЯ ПРАВДА
ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЫ СССР**

**МАКСИМ СЕВЕРИН
АЛЕКСАНДР ИЛЮШЕЧКИН**

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Александр Ильюшечкин

**Я дрался в Афгане. Окопная
правда последней войны СССР**

«Яуза»

2021

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Ильюшечкин А. А.

Я дрался в Афгане. Окопная правда последней войны СССР /
А. А. Ильюшечкин — «Яуза», 2021 — (Война. Я помню. Проект
Артема Драбкина)

ISBN 978-5-699-52996-4

На Афганской войне смерть подстерегала на каждом шагу, автоколонны зачастую несли не меньшие потери, чем штурмовые части, в засады и под обстрел попадали не только десантники и спецназ, но и «тыловики», — фронт был повсюду. И пусть наши войска не сидели в окопах, эта книга — настоящая окопная правда последней войны СССР — жесткая, кровавая, без прикрас и самоцензуры — о том, каково это: ежеминутно ждать выстрела в спину и взрыва под ногами, быть прижатым огнем к земле, ловить пулю собственным телом и отстреливаться до последнего патрона, до последней гранаты, оставленной для себя в кармане самодельной разгрузки. «Выпрыгивали из зависавших в метре-полтора над землей вертолетов (хотя порой летчики могли зависнуть намного выше), приземлившись, сразу рассредоточивались на местности. Обычно бывало, что по нам долбили уже в момент высадки... После высадки сразу старались прижаться к одному из склонов долины, потому что по низине идти было нельзя: на фоне ровного песка в пересохшем русле речушки человеческая фигура видна как на ладони со всех сторон...» «Мы поднимались к перевалу по петлявшему горному серпантину, к которому у одного из поворотов справа примыкала второстепенная дорога. Оказалось, что по этой дорожке шла афганская колонна с несколькими танками, перешедшая на сторону душманов, и эта колонна в один миг отрубила наш «хвост». И тут началась сеча! Много наших ребят там погибло, не успев толком понять, что происходит...» «Только мы успели выйти на плато, я услышал, как сзади упал на землю мой друг. Почти сразу я понял, что его убили: пуля снайпера попала ему в голову в паре сантиметров позади уха и прошла навывлет... Я осознавал лишь одно: вторая пуля будет моя. Мне повезло: душманский снайпер, боясь быть

обнаруженным, не стал делать свой второй выстрел, я остался жив...» В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-311.6

ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-699-52996-4

© Ильюшечкин А. А., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Предисловие	8
Скокленко Петр Григорьевич	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Максим Северин Я дрался в Афгане. Окопная правда последней войны СССР

Фотография на обложке: © В.Киселев/РИА Новости

© Северин М.С., Ильющечкин А.А., 2021

© ООО «Яуза-каталог», 2021

Предисловие

«А ты за что дерешься здесь, лейтенант? За то, чтобы пять месяцев зарплату не получать?.. Ты, может быть, думаешь, что ты кому-нибудь нужен? Ты думаешь, ты этому нужен: «Э... россияне... понимаешь»? Нет. Ты вспомни «афганцев» – где они? Что с ними? Они же сейчас никому не нужны... Ты же будешь асфальт царапать культями в переходах! Ты подумай, лейтенант, подумай». Эти слова полевого командира чеченских боевиков Дукуса Исапилова, персонажа нашумевшего в свое время кинофильма Александра Невзорова «Чистилище»¹, обращенные к командиру подбитого русского танка Игорю Григоращенко на улице разбитого Грозного в январе 1995-го, задевают душу... В этих нескольких фразах можно выразить ужасную проблему отношения общества к довольно большой части себя – ветеранам локальных войн, его непонимания и нежелания понимать этих людей, не говоря о попытках помощи им.

Или еще одна отвратительная и до боли известная ветеранам фраза: «Мы вас туда не посылали». А кто эти «мы»? Несколько отдельно взятых человек, улица, город или государство в целом? А тех воинов, кто, пойдя на верную смерть в 1380-м, 1812-м или 1941-м, спас от этой смерти остальных, обязательно кто-то должен был на эту смерть посылать? Или кто-то установил градацию войн и сражений на важные и не очень важные?

Без малого десятилетие, с декабря 1979-го по 15 февраля 1989-го, страна участвовала в необъявленной войне на чужбине, и о войне этой на широкой публике было принято говорить так же, как и о возвращавшихся домой в цинковых гробах ребятах: или хорошо, или ничего.

И только на кухнях в узком семейном кругу и приглушенным голосом можно было позволить себе высказать свое мнение о «важности интернационального долга советских воинов», нечасто выражавшееся цензурными словами. Информация о том, что на самом деле творилось в Афганистане, просачивалась вместе с вернувшимися из адского пекла парнями, и пусть мало кто из них мог рассказать близким всю правду, она читалась в их глазах... Эти повидавшие много ужаса, избитые афганскими песчаными бурями глаза говорили о многом: в них оставили след и постоянное нервное напряжение, и страх, и горечь утраты боевых товарищей, так быстро ставших хорошими друзьями. И еще что-то до сих пор написано в глазах каждого без исключения ветерана-«афганца», это чувство не поддается описанию словами, и самым близким к нему из слов будет слово «боль». Боль, которой уже четверть века и которая останется с каждым из них навсегда. У каждого она своя и у всех общая, это и боль от досады из-за бессмысленности пережитых страданий и понесенных жертв, боль от забвения, которому страна предала своих героев, боль от того, что уже нельзя ничего изменить и никого уже не вернуть с того света. От такой боли нет и не может быть лекарства. Но ни в коем случае нельзя обижать забытого солдата жалостью и состраданием, можно лишь понять... понять и, поняв, разделить их боль и сохранить добрую память о тех, кто не вернулся, но будет вечно жить в сердцах родных и в памяти боевых товарищей.

Война в Афганистане существенно отличалась от войны в обычном понимании этого слова. Противником наших войск в ней выступали отряды мятежников, оснащенные, как правило, легким вооружением, разнившимся от магазинной винтовки Ли-Энфилда выпуска начала XX века до новейших ПЗРК «Ред Ай» и «Стингер», поставлявшихся им агентами западных спецслужб через Пакистан. Крупномасштабных штурмов и сражений на открытой местности практически не было, как не было и самой линии фронта, боевые действия с самого начала приобрели характер партизанской войны, изобиловавшей засадами и диверсиями. В таких условиях наши солдаты никогда и нигде не могли чувствовать себя в полной безопас-

---

¹ Х/Ф «Чистилище», реж. А.Г. Невзоров, 1997 г.

ности, ведь любой фрукт или жевательная резинка, купленные у добродушно улыбающегося местного жителя, могли быть отравлены, а в любой выбоине дороги мог быть заложен фугас огромной мощности. Поэтому даже тех ветеранов, которые не принимали непосредственного участия в боевых действиях, нельзя назвать «тыловиками» или «небоевыми» – все они не раз попадали под обстрелы, каждый их шаг по горной тропе мог стать последним.

Эта книга создавалась для того, чтобы дать человеку возможность высказаться, поведав читателю то, о чем сначала не хотели писать в газетах и говорить с экранов телевизоров, а потом не пожелали слушать в чиновничьих кабинетах. Она о людях, мирно живущих сегодня среди нас, и люди эти очень редко рассказывают о своей войне и еще реже достают из дальних уголков шкафов старенькие пиджаки с заработанным потом и кровью боевыми наградами, не считая при этом свою «За отвагу» чем-то, что заслуживает особенного внимания.

Мы собрали воедино рассказы ветеранов войны в Афганистане, специально не деля их ни по родам войск, ни хронологически, позволив каждому герою высказать все, что накопилось за эти годы у него на душе, ведь с окончания этой войны успело вырасти целое поколение, и каждый воин-«афганец» волей-неволей десятки раз во всех подробностях переосмыслил произошедшее с ним, дав событиям трезвую и зрелую оценку. Каждый рассказчик видел весь тот безмерно далекий для нас сегодня ужас своим взглядом, каждый хлебнул свой глоток горя, страха и боли.

Двумя десятками сливающихся воедино голосов, нарушающих многолетнее молчание, забытые войны раскрывают перед нами картину войны во всей ее неприглядности, ужасе и отвратительности для человеческого сознания. И ни один из них не проронил ни слова лжи, ни единой фразы, хотя бы в ничтожной доле наделенной тщеславием, закаленные войной зрелые мужчины рассказали о том, что видели, о чем думали тогда и думают сейчас, что чувствовали и что чувствуют.

Каждый вынес оттуда что-то свое: кто-то познал дух боевого братства и полной взаимовыручки, научившись ценить настоящую мужскую дружбу; кто-то, заглянув в бездонные глаза смерти, начал абсолютно по-иному к ней относиться и с новой силой полюбил жизнь; кому-то пережитое там навсегда перевернуло жизнь, искалечив психику и душу. Но никто из них не остался после той войны прежним, ведь, как говорят, нельзя дважды войти в одну реку, и, пересекая Амударью в обратном направлении, каждый из наших героев был уже совершенно другим человеком.

Каждый рассказ индивидуален, но в них и немало общего. Когда несколько десятков незнакомых между собой людей одинаково рассказывают об одних и тех же фактах, эти факты уже не подлежат никаким сомнениям. Так находится истина, которая, как оказывается, так же как и в случае с Великой Отечественной войной, имеет очень мало общего с воплями пропаганды, официальной позицией властей, средств массовой информации и сложившимся на их основе общественным мнением.

В беседах с участниками событий удивляешься очень многому – это и ужасно высокий уровень тяжелых инфекционных заболеваний, вызванных антисанитарией и отсутствием чистой питьевой воды; и крайне нестандартные тактические приемы, на которые толкала обстановка; и очень частое несоответствие имевшегося вооружения и экипировки поставленным задачам, и многое-многое другое. И чем больше авторы общались с ветеранами Афгана, тем меньше удивления стали вызывать немыслимые по первому впечатлению факты, а на смену им начала по кусочкам складываться картинка реальных событий. Полной для нас она не будет уже никогда, ибо для нее надо выслушать не несколько, а сотни тысяч солдат, прошедших Афганистан, не забыв и о мнении не меньшего числа их бывших противников. К сожалению, за исключением полных искажения и открытой лжи статей западных СМИ и редких, полных пафоса и напускной бравады телевизионных интервью бывших полевых командиров, взгляд «с той стороны» недоступен.

Стрельба и взрывы в Афганистане слышны и спустя 22 года после вывода оттуда советских войск – афганцы воюют с войсками Западной коалиции и с самими собой, и войне этой в ближайшем времени конца не видно. С чего все началось, чем может закончиться и кто во всем этом виноват, и нужна ли была нам та война? Обсуждение этих вопросов столь же бесконечно, как и кровавая вражда всех со всеми, тянущаяся веками на территории этой многострадальной страны. Подобная политическая и военная полемика останется за рамками этой книги, дающей слово не крупным ученым умам, пишущим многотомные научные трактаты о том, чего они никогда не видели и не увидят своими глазами, а непосредственным участникам событий, которые не раз оказывались прижатыми к земле огнем, своими телами ловили вражеские пули и, не думая о высоких материях, давали свой прицельный ответ врагу на предложение сдаться в безнадежной ситуации, отбиваясь до последнего патрона в магазине своего АКС-74, до последней, припасенной для себя гранаты в кармане самодельной разгрузки. И они выходили из этого боя победителями, в изорванной форме, с наспех перемотанными ранами, по крутым склонам афганских гор выносили они своих раненых товарищей, чтобы спустя всего лишь несколько лет, до хрипоты в голосе «выбивая» в чиновничьем кабинете положенное жильё, услышать в ответ ту самую, полную морального уродства фразу: «Мы вас туда не посылали!»

Скокленко Петр Григорьевич

Я выпускник Севастопольской школы прапорщиков, основным профилем было строительство зданий и технических сооружений заводов. После окончания учебы проходил службу в городе Брянск. Когда пришел черед и в нашу часть поступила разрядка отправить шестерых прапорщиков в Афганистан, первым нам был задан вопрос: «Кто из вас член партии?»; а вторым: «Изъявляете ли вы свое желание?». Таким образом, порядок «изъявления желания» был добровольно-приказным. В случае отказа в придачу пообещали накопать на каждого «ком-

промат», исключить из партии и довести дело до увольнения из армии. Делать было нечего, и коммунисты сделали шаг вперед.

Так, в конце октября 1982 года нас направили сначала в Московский военный округ, там посадили на поезд до Ташкента, который на тот момент входил в Туркестанский военный округ, был крупной перевалочной базой наших войск и считался чуть ли не прифронтовым городом. Через пару дней мы сели в транспортный самолет и примерно через четыре часа были уже в Кабуле, оттуда нас отправили кого куда. Я попал в 66-ю десантно-штурмовую бригаду, дислоцировавшуюся в районе Желалабада. По прибытии в часть нас сразу направили на прием к командиру бригады. В разговоре он спросил у вновь прибывших прапорщиков о том, в подразделении какого назначения они хотели бы служить. Я сразу ответил, что я не хозяйственник, к тому же срочную служил командиром отделения в погранвойсках и владею всеми видами оружия. Выслушав меня, командир бригады назначил меня на должность командира пулеметно-гранатометного взвода 5-й роты.

5-я рота стояла в Баркандайском ущелье, прикрывая путь из Панджшерской алмазной долины в Пакистан. 5 ноября я прибыл в роту. Передо мной выстроился мой взвод. Смотреть на ребят было страшно – они жили в землянках, все как один были вшивые, одним словом – ужас. Запущенный взвод надо было приводить в порядок, и через два дня мы сделали из старого котла самодельную топку и устроили себе банный день. Сам я поселился вместе с бойцами в одной из землянок, под потолком которой, как оказалось, вместе с нами жила и кобра. И вот однажды ночью я один спал в землянке, как вдруг услышал непонятное шипение. Включив фонарик, я увидел, как под потолком висит змея. Я молнией выскочил из жилища, потом взял «эргэдэшку» и бросил ее в свою «келью». Когда дым рассеялся, я осветил фонариком в землянку и увидел, что змею разорвало на части, утром нам предстояла уборка.

Рядом с нами для поддержки стоял афганский батальон «зеленых». Но помощь оказывали только мы им, а не они нам, как предполагалось. Однажды к нам пришел афганец и сказал, что завтра ночью через поселок Маркин будут проходить банды, которым поставлена задача полностью уничтожить нашу роту, бывшую у душманов бельмом в глазу, мешавшую переправлять грузы из Пакистана, ведь кругом были горы высотой под 5000–6000 метров, поэтому обходить нас бандитам было крайне неудобно. Как только стемнело, мы небольшой группой в 10 человек отправились минировать тропу. Поставили две мины направленного действия МОН-250, немногим ранее была проведена пристрелка по долине всех трех наших гаубиц и нескольких минометов. Первый взрыв этой ночью прогремел в тот момент, когда мы играли в карты при свете лампад, по этой точке сразу же открыли огонь наши пушки и минометы, проверять результаты огня в темноте никто, естественно, не собирався. Спустя час взорвалась и вторая мина, установленная нами метров на 150 поближе, в дело вновь вступили орудия и минометы. Утром два взвода на «бээмпэшках» проехали перекидной мост и отправились на осмотр места боя. Крови там было столько, словно ее лили из ведра, местами лежали оторванные руки, ноги, кишки. Уже потом тот же афганец-разведчик, который навел нас на эту группу душманов, сказал, что этой ночью противник потерял 63 человека только убитыми. Там, на месте, я обратил внимание на тело одного душмана, лежавшего навзничь за кустом: убитый был в резиновых калошах, а на каждой руке было по шесть пальцев (его прозвище среди своих так и было: Шестипалый). Я его перевернул, вытащил из карманов документы. Забирать тело с собой не было смысла, и я выдернул чеку из «эфки», перевернул труп на живот и подложил гранату под него, решив оставить «духам» небольшой сюрприз. Но они были не дураки и, наблюдая за нами с гор в бинокли, видели все мои действия.

Следующей ночью, прихватив с собой приборы ночного видения, мы вышли в засаду. Заняв позицию метрах в ста от заминированного трупа, мы ждали душманов в надежде убить еще пару-тройку. Так прошла эта ночь, за ней вторая, третья... На четвертый день к нам в расположение с белым флагом пришли переговорщики, требовали они одно: отдать им тело их

полевого командира. Командир роты сказал: «Забирайте, кто вам не дает». Парламентеры же ответили, что знают, что труп заминирован. О ситуации сразу доложили в штаб бригады, оттуда прилетели спецы-разведчики, один из которых в звании полковника, когда на его вопрос «Кто минировал?» все указали пальцем на меня, сказал: «Бери с собой людей и иди разминируй!» Двоих душманских парламентеров было решено придержать у себя в качестве заложников.

Оставив прикрывавших меня ребят немного позади на берегу, я пошел к телу Шестипалого. Я шел и думал, что это могут быть и мои последние шаги по этой земле, но, к счастью, в меня никто не стрелял. Подойдя к телу, я без особого труда достал из-под него гранату и бросил ее в речку. Разминирование на этом было окончено. Нашим условием было, чтобы душманы несли тело своего командира к месту погребения только через наши позиции, чтобы по нам в это время никто не открыл огня. И как только афганцы с телом скрылись из видимости, по нам начался массированный минометный обстрел.

Вскоре после этих событий последовало решение командования вывести нашу роту в Асадабад, где стояли основные силы батальона. В переводе название этого города означает «каменный мешок», говорили даже, что монголо-татары в свое время не смогли взять его штурмом.

Итак, для содействия эвакуации нашей роты 27 декабря 1982-го из Кабула стали прибывать подразделения десантников; по моим расчетам, в этой операции было задействовано несколько тысяч человек. Из восьми наших БМП на ходу было только три, остальные пришлось тащить на тросах. 25 километров до Асадабада мы шли около двух суток. Был такой момент, когда по хребтам гор слева и справа от нас шли прикрывавшие нас бойцы; на одного парня из 182-го «Кабульского» полка в этих горах напали сразу двое душманов. А он от страха как схватил их обоих руками под горло, так и удушил, мы долго не могли разжать его захваты вокруг шей уже остывавших врагов – руки свело сильнейшей судорогой. За этих «духов» бойца представили к награждению орденом Красной Звезды.

В Асадабаде нас сначала разместили в палатках, а немного отдохнув, мы стали строить более капитальные жилища. Население Асадабада тогда было всего тысяч 20 человек, наши инструкторы обучали там афганскую милицию, в городе также стоял отдел глубинной разведки и другие спецподразделения, необходимые на границе. И только мы немного освоились на новом месте, как узнали о решении заменить наш батальон на 3-й, а нас перевести в Джелабад, на окраине которого стояло управление нашей бригады. Нам предстояло пройти около 120 километров по далеко не безопасному маршруту по дороге под отвесными горами вдоль реки Кунар.

П. Г. Скокленко (*в центре*) со своими боевыми товарищами на БМП

Мы двигались медленно: на дороге было много мин, и впереди нас постоянно шли саперы, щупами и миноискателями проверявшие каждый метр земли. Самой трудной для обнаружения была 24-килограммовая итальянская мина, корпус которой был целиком изготовлен из пластика: металлоискатели на нее не реагировали, и обнаружить ее поэтому можно было только с помощью щупа, плюс ко всему у нее был механизм многократного нажатия, и срабатывала она, как правило, под третьей машиной. И, несмотря на все меры предосторожности, несколько машин во время марша все-таки подорвались.

По прибытии в бригаду нас вновь разместили в палатках. В роте к этому времени из 76 осталось всего 37 человек вместе с офицерами. Остальных свалили желтуха, тиф и малярия. Вскоре роту доукомплектовали до штата присланными из Союза бойцами, и после их недельной подготовки боевая деятельность началась вновь.

Всего я участвовал в четырех армейских операциях, проходивших в провинциях Кунар, Нангархар, Лагман на востоке Афганистана и у горы Тора-Бора в Нангархаре. Во время одной из этих операций мы уже было возвращались с прочесывания местности, как нам по рации сказали, что один из наших разведзводов попал в серьезную передрагу: вертолетчики по ошибке забросили десантников на три километра в глубь пакистанской территории. Ребят быстро окружили душманы и начали бить из всех стволов. На помощь кинули два наших батальона, живыми мы нашли только троих солдат... Одним из них был командир погибшего взвода, как спустя годы выяснилось, мой земляк из Брянска (на одной из встреч Союза ветеранов в 1992 году в разговоре один из ветеранов вспоминал, как какой-то прапорщик вытаскивал его, раненого, к своим, и я сразу же понял, где мы с ним встречались до этого). Выход к своим был трудным, «духи» наседали, но мы, хотя и с потерями, оторвались от преследования.

Однажды в темноте на перевале мы чуть было не столкнулись с крупной кавалерийской частью душманов. Нам повезло – мы заметили их первыми метров за 500, услышав ржание сотен лошадей. А вскоре мы увидели огромную лавину конников, каждый из которых был с факелом. Сколько их было? Даже примерно определить численность этого потока мы не успе-

вали. Нас затрясло, ведь все понимали, что, если нас заметят, – нам труба. К нашему счастью, с нами был артнаводчик. Этот старший лейтенант быстро определил по карте все необходимые расстояния, подготовив данные для стрельбы из долины, передал их по радиостанции, запросив огня «Градов». Вскоре мы увидели над долиной настоящее море огня: восемь систем залпового огня, каждая по 40 стволов, открыли огонь по нашим координатам. В голове крутилось только одно: что не долетит до «духов» – долетит до нас. Но реактивные снаряды, прошуршав над головами, умчались в самую гущу порядков противника. Что тогда началось! Взрывы снарядов, надрывное ржание лошадей, крики раненых – все сливалось в один ужасный звук, и еще очень запомнились лошади без наездников, в ужасе носившиеся в темноте. Ошеломленная внезапным огневым налетом, банда стала отходить за перевал. А уже поутру мелкие группы душманов стали нас окружать; отбиваясь, мы потихоньку отходили. В этом бою мне довелось быть в группе прикрытия. Благополучно спустившись с гор в долину, мы отправились в свои подразделения.

Довелось также и ходить на перехват каравана с оружием из Пакистана. Мы вышли ночью, высоких гор в том районе не было, были лишь холмы. Выбрав позицию, мы немного замаскировались, в расчете на то, что «духи» не заметят нас, пока не подойдут на удобную для огня дистанцию. Но, подойдя к нам на несколько сот метров, «духи», видимо, разглядели наши панамы и начали разворачивать свой караван доверху навьюченных верблюдов обратно. Нам опять ничего не оставалось, кроме того как навести на отходящий караван артиллерию. Командование посчитало эту операцию неудачной, так как значительную часть оружия и денег, переправлявшихся караваном, душманы смогли сохранить.

Хочется вспомнить и про армейскую операцию в провинции Лагман. По данным разведки, на одной из высот с отметкой более 2000 метров над уровнем моря находился так называемый «Французский госпиталь» – пятеро французских медиков-наемников лечили там раненых моджахедов, поэтому кодовое название армейской операции так и было: «Французский госпиталь». Три дня мы штурмовали эту высоту, но к госпиталю было невозможно подойти: с каждой скалы из высеченных в камне дотов по нам «колбасили» из крупнокалиберных ДШК. От огня душманов в этих боях у нас погибло, если не изменяет память, 57 бойцов. Наконец, спустя три дня кровопролитного штурма нас отвели, а по высоте отработал наш самолет, сбросивший вакуумную бомбу. После мощнейшего взрыва высота замолчала. Все следующие дни мы занимались только вывозом трофеев: оружия, американских динамо-машин, вырабатывавших свет, китайских ДШК в смазке и прочего добра. Всего операция длилась 21 день, а по возвращении на базу в Джелалабад нам дали три дня на отдых, а после опять начались тренировки на стрельбище и подготовка к новым операциям.

Через некоторое время после боев у «Французского госпиталя» меня вызвали в штаб и объявили, что следующий месяц мне предстоит тренировать молодых снайперов. Почему выбрали именно меня? Когда мы еще стояли в Баркандайском ущелье, наш взвод на неделю был оставлен на высоте, прикрывать расположение роты. Нам тогда сильно докучал афганец, призывавший с соседней горы душманов скорее нас всех перебить, причем делал он это по несколько раз в день, и, когда его вопли стали сводить нас с ума, я не выдержал и снял его из СВД. За эту самодетельность меня потом долго таскали по особым отделам, был и строгий выговор по партийной линии, но все обошлось, а слух остался – прозвище Снайпер прилипло надолго, хотя мастерству этому я специально нигде не обучался. Целый месяц мы стреляли день и ночь; ночной стрельбе с инфракрасными прицелами, кстати, уделялось довольно много внимания. Месяц прошел, капитан, контролировавший мою работу, принял у ребят экзамены, я был ненадолго свободен.

Отдыхать пришлось недолго: спустя какое-то время нас вновь решили перебросить в Асадабад на замену 3-го батальона, некогда сменявшего нас. Этот батальон там здорово потрепали: один из его взводов вышел на операцию по перехвату и уничтожению небольшого отряда

бандитов, но попал в засаду на старом афганском кладбище. 27 человек погибли в том неравном бою, уцелел лишь один сержант, который сумел спрятаться под каменной плитой.

Здесь стоит рассказать и про кишлак Маравары, расположенный очень близко к границе с Пакистаном. Там стояла крупная банда, насчитывавшая около 3000 человек, инструктируемых американскими военными советниками. У нас была информация о том, что эти силы собирались занять Асадабад, выбив из него наши части. В один день меня, на тот момент замполхоза, направили в бригаду получить новые палатки. Когда я там появился, то узнал, что на позициях нашего батальона, там, где я был всего несколько часов назад, всю идет настоящая бойня. Забыв про палатки, я побежал к вертолетной площадке, там в это время как раз приземлялись санитарные вертолеты. Я увидел, как из одного из них выгружают на носилках двоих моих бойцов: помощника командира взвода и рядового. Тут помкомвзвода, у которого одной пулей были перебиты сухожилия обеих стоп, сказал мне: «Прапорщик! Взвода нет!» – и я запрыгнул во взлетающую «вертушку». По прилете к своим меня уже не пустили, и я вынужден был принимать трупы своих бойцов. До боя в моем взводе было всего 14 бойцов, а после него в живых остались лишь те двое раненых и я, остальные 11 ребят погибли.

Прибыв в Асадабад, мы расположились в домике, служившем до этого столовой, за несколько дней приспособили его для жилья. Вновь начались выходы на боевые операции, тесно взаимодействовали с разведкой, докладывавшей обо всех обнаруженных передвижениях душманов. В ходе одной из операций наш батальон совместно с 1-м батальоном бригады получил задачу взять отдельно стоявший населенный пункт, но он оказался до такой степени хорошо укрепленным, что подступить к нему было невозможно. Были большие потери на минах, наш лейтенант-медик наступил на одну мину-«лягушку» левой ногой, взрывом ему оторвало ногу и откинуло на вторую мину, которая оторвала лейтенанту правую руку и выбила глаз. Его, полуживого, вынесли из боя и отправили в госпиталь, потом, когда мы интересовались судьбой товарища, нам сказали, что он выжил.

Расскажу и про операции по зачистке кишлаков и призыву новобранцев в армию ДРА. Делалось все просто: мы окружали кишлак и устраивали тотальную проверку документов у его мужского населения призывного возраста; если у мужчины не было документа о том, что он уже проходил службу в частях армии Демократической Республики Афганистан, то он вставал в строй у «вертушки», на которой вскоре и отправлялся на сборный пункт. Поначалу афганские солдаты служили по месту жительства, но эта практика не зарекомендовала себя – по ночам многие такие «солдаты» могли участвовать в боестолкновениях уже на стороне душманов, процент дезертирства был очень высоким. Поэтому вскоре «зеленые» стали нести службу там, где они не знали, в каком направлении находится их дом. Воевали «зеленые», конечно, без лишнего энтузиазма: только вроде бы они шли впереди (честно скажу: нередко мы отправляли их вперед себя, на случай обстрела или мин, ведь каждый берег своих солдат), а через несколько мгновений – они уже сзади.

– Вашему подразделению приходилось выполнять задачи по сопровождению транспортных колонн?

– Да. Сопровождение грузов тоже считалось одним из видов боевых операций. Так, в праздничный день 8 Марта мы отправились к заданной точке встречи с нашей колонной; встретив ее, мы подключились к сопровождению. В одном из наиболее узких мест шедший впереди танк подорвался и полностью перегородил дорогу, тут же с гор «духи» открыли огонь из пулемета. Один солдат подбежал с тросом в попытке зацепить подбитый танк и оттащить его с дороги, но был убит огнем душманского пулемета, вскоре к танку попытался подобраться второй боец, но тоже погиб. Колонна остановилась. Меня вызвал комбат и сказал: «Ты у нас самый старый и знаешь эти горы. Огневую точку надо убрать». Мне тогда шел 32-й год, и я на фоне молодых офицеров по 25–27 лет, недавно вышедших из училищ, и солдат-срочников действи-

тельно был самым старым. С собой я взял восьмерых самых отчаянных солдат, в том числе и одного сапера для расчистки пути, и отправился со своей группой в обход позиций «духов», заходя с обратной стороны горы. Нам удалось незаметно подобраться к вражескому пулеметному гнезду, и подобрались мы к ним в удачное время – «духи» как раз сидели и пили чай, и лишь пулеметчик сидел у замаскированной амбразуры; душманы о чем-то громко разговаривали, хохотали. Подобравшись поближе, мы забросали их гранатами. В живых остался только пулеметчик. Захватив его в плен, мы навьючили на него трофейный пулемет и двинулись в обратный путь. Перед отходом наш сапер заминировал схрон с боеприпасами, находившийся недалеко от гнезда; по нашим расчетам, кстати, их хватило бы душманам на добрый месяц обороны своей норы. Радиоуправляемый заряд мы подорвали, отойдя на безопасное расстояние.

За этот пулеметный расчет меня представили к ордену Красной Звезды. Я даже расписался в спецчасти за орден Красной Звезды, а во время награждения на построении я услышал, что вместо Красной Звезды награжден медалью «За отвагу». Майор, начальник финотдела, на этом же награждении получает Красную Звезду: за то, видимо, его наградили, что он сидел в штабе и хорошо считал деньги. Вся бригада – а это две тысячи человек, стоявших в строю, – увидев такую вопиющую несправедливость, взревела в один голос: «За что?!» Но я все равно заготовил ящик водки, не пропадать же добру, выпили и за медаль. Одним словом, на войне как на войне.

– С фанатиками сталкивались?

– Да, частенько. Рядом же был Пакистан, и нам постоянно докучали так называемые «чернорубашечники» – душманы какого-то своего особого толка, носившие черные мантии и, похоже, очень часто шедшие в бой под наркотиками, их в таком состоянии даже пуля не всегда останавливала.

Однажды в Кунаре мы побывали в рукопашной. Мы как раз вышли из-за одной горы, а они – из-за другой. Нас было семь человек, а их – человек пять, и благо, что они по возрасту были уже немолодые. Мы побросали автоматы и накинулись на душманов с ножами, в схватке они все же смогли убить одного нашего парня, мы перебили их всех.

Провинция Кунар, примыкавшая к Пакистану, вообще была настоящим рассадником душманских банд, доставлявших нам много проблем. Так, в один день они сбили наш транспортный самолет Ан-24 с двенадцатью офицерами-заменщиками на борту, заходивший на посадку под Джелалабадом. Сбитый из ПЗРК самолет рухнул прямо в ущелье. Старейшины одного из аулов сами приехали к нам в бригаду и указали место, где упал самолет. Эвакуировать останки вместе с нами пошел известный тогда военный корреспондент Александр Александрович Каверзнев. Мы поднимались на высоту с отметкой 3080, последний отрезок пути идя уже по снегу. Обнаружив место падения, мы начали искать и собирать останки погибших в специально взятые для этого пакеты: от 12 человек пассажиров и шести членов экипажа нам удалось собрать лишь примерно сорок килограммов рваного человеческого мяса. Говорили, что, когда нечего было хоронить, в цинковый гроб грузили камни и, маркируя «Вскрытию не подлежит», отправляли родным погибшего.

– Самоубийства среди солдат и офицеров были частым явлением?

– Мой земляк по фамилии Игонин в ту пору служил в Кабуле в 181-м полку заместителем по продовольственной части. Не успел он отслужить в Кабуле и месяца, как начальник продовольственной службы приказал ему загрузить машину продовольствием и разгрузить ее в точке встречи с покупателями. И только успел он выгрузиться, как подъехали наши ваишники. На первом допросе он никого не сдал, а после пошел в баню и там застрелился.

Случалось, что по своей неосторожности погибали. Так, наш замполит, когда мы как раз охраняли сельскохозяйственные поля, ожидал своего сменщика. Вместе с группой бойцов он

сидел на одной из высот за Кунаром, когда ему сказали, что приехал сменяющий его офицер. Он не стал ждать паром и решил пересечь реку вплавь; не справившись с течением, замполит утонул, тело его так и не нашли.

Один уходящий на дембель солдат приехал к нам в Асадабад порыбачить, взял стограммовую тротильную пашку, вставил детонатор с бикфордовым шнуром... А шнур оказался пустотелым и мгновенно прогорел – парню оторвало руку.

Был случай, когда офицеры устроили дуэль из-за женщины, которых, кстати, в нашей бригаде было 63 человека: бухгалтеры, медики, прачки, повара. Двое старших лейтенантов стрелялись, а третий был у них кем-то наподобие секунданта. Один получил пулю в плечо, а второму тоже задело плечо, но по касательной. Им повезло, что стрелялись они из «Макаровых» с 50 метров. Если бы стояли ближе, то все могло закончиться намного хуже.

Э. И. Хатамов (*справа*) со своими бевыми друзьями

В итоге всех троих разжаловали до рядовых и уволили из армии. Женщины там часто вели себя не так, как надо, ведь «боевики» уходили на операции, а «тыловики» оставались. Так, один солдат из 41-го ДШБ привез раненого в госпиталь и решил заодно проведать свою женщину, зашел в палатку и застал ее с краснопогонником-тыловиком. Парень, недолго думая, выхватил «эфку», бросил ее под кровать и вышел. Лежавшей внизу подруге только слегка поцарапало зад, а тыловика убило осколками. Трибунал дал солдату восемь лет. Вообще нелепых случаев было немало – чудиков всегда и везде хватало.

Мне довелось увидеть, как на Ташкентской таможне задержали одного полковника, возвращавшегося на родину. Он ехал вместе с дочерью и женой и из жадности решил прихватить с собой побольше дешевого афганского золота, заставив жену и дочь спрятать колечки в интимных местах, но настроенная на драгоценные металлы рамка металлодетектора сработала беспристрастно: при личном досмотре у жены офицера нашли 14 золотых изделий, а у дочки – 16. Карьера полковника на этом была окончена, контрабанда в крупных размерах – статья серьезная.

Я тогда и сам вез в кармане брюк купленное для жены золотое кольцо, стоило оно, как сейчас помню, 76 рублей, и вот так случилось, что я забыл указать его в декларации. Мы с товарищами тогда как раз были слегка навеселе – один парень вез водку сверх разрешенной нормы, и нам пришлось ее «ликвидировать на месте». Уже после прохода через рамку меня подозвал к себе таможенник и пригласил пройти в помещение для досмотра, сразу же был задан прямой вопрос: «Золото есть?» Я, само собой, ответил: «Какое золото? Да вы что?» Но металлодетектор не обманешь... Написали акт изъятия на двух бумажках, одну отдали мне, а вторую пообещали направить в особый отдел по месту службы. Прибыв в бригаду, я сразу пошел в особый отдел, там служил капитан по имени Валерий, родом он был из Курской области, то есть почти земляк. Подал я Валере бумаги от таможенников, все равно ведь вторые экземпляры скоро придут, он посмотрел на них и сказал: «Ты хотя бы заехал обратно, пусть они тебе печать в документах проставят, что ли». На этом неприятная история и закончилась: хитрецы-таможенники, видя, что у меня было одно желание – поскорее уехать домой, попросту заграбастали себе мое кольцо, написав для отвода глаз пару «фантиков».

– Какие-либо нестандартные задачи перед вам ставили?

– Когда в низменной долине у Джелалабада местные власти пытались создать какое-то подобие наших советских колхозов, мы должны были охранять работников на уборке полей. Стоишь в оцеплении, смотришь, как кто-то, похожий на душмана, идет вдалеке, тогда несколько выстрелов в воздух сделаешь – и он убегает. На границе с Пакистаном мы как-то охраняли апельсиновые плантации, в то время местные собирали там по четыре урожая в год, земля отдыхала только в феврале. Последней из культур собирали в январе сахарный тростник. А после февраля на орошающихся с помощью системы арыков полях вновь высевались рис, пшеница, кукуруза.

– Местный климат тяжело переносили?

– За лето там могло не пройти ни одного дождя, жара переваливала за все мыслимые пределы, броня нагревалась так, что сидеть на ней было невозможно. Многие страдали от солнечных ударов, меня самого один раз изрядно стукнуло по голове. Ребята тогда снимали меня с горы, а очнувшись я от того, что на меня лили воду, и помню, что очень обрадовался, что остался живой. Галлюцинации от жары нередко бывали, сказывалась и постоянная нехватка питьевой воды. Был случай, когда в Лагмане «вертушка» сбросила нам воду в 100-литровой резиновой емкости, и та, попав на острый камень, лопнула; к счастью, второй тюк приземлился удачно.

Доходило до того, что во время одной из операций в провинции Лагман нас бросили практически без еды, время шло, а провизию не подбрасывали. А есть-то ужасно хотелось! Тогда несколько наших солдат спустились с господствующей высоты и забили одного из телят, пасшихся на близлежащей равнине. Телятину пришлось есть пресной, так как соли не было с собой ни грамма. Когда домой вернулся, я очень много всего соленого употреблял. Изредка нам завозили картошку, а так в основном крупами питались, макаронами, тушенки было много. Однажды мы получили большую партию мяса австралийских кенгуру, помню, что, зайдя на продуктовый склад, очень удивился, увидев причудливые тушки непонятных животных. Мясо было белое, диетическое, очень похожее на курятину.

Раз в неделю нам выдавали таблетки от малярии, но многие их не пили, да и тем, кто пил, они не всегда помогали. Некоторые неважные солдаты, не хотевшие ходить на боевые, начинали «косить»: смотрят, кто «лимоном» стал (значит, заболел желтухой – у нее инкубационный период 25–30 дней, а потом начинали желтеть зрачки глаз и все лицо), так они выпивали мочи больного и вскоре сами отправлялись в госпиталь. Лютовал брюшной тиф, вшей было много. Часто приходилось пить из арыков, обеззараживая воду специальными шипучими таблетками, а в горах старались набирать воду, сочившуюся из расщелин, она была более или менее чистой.

Иногда кипятили воду с верблюжьей колючкой: разлитый по флягам бойцов, такой напиток очень хорошо утолял жажду. Воду экономили и нередко пили из пробочек от фляжек, которых едва хватало, чтобы смочить губы.

Там шла война, в которой выживал тот, кто мог вовремя голову пригнуть. Так, когда я уже переслужил в Афганистане больше положенного срока на месяц и пять дней, приехал мой сменщик, я сразу понял, что парню там оставаться нельзя: он был ростом под два метра, а такой рост там был огромным недостатком, делая человека отличной мишенью в прицеле вражеского снайпера. Я так и сказал ему: «Меняй должность, уходи куда угодно. Тебя же первый снайпер снимет!» В ответ я услышал, мол, «ты два года – и ничего». Я начал было объяснять, что я «ничего» потому, что я сейчас стою ему меньше чем по плечо, но было бесполезно. Его убили через двадцать дней, у парня осталось двое детей. Об этом я узнал уже из письма замкомвзвода, где тот написал, что взводного больше нет. Снайперы у них работали хорошо.

Письма домой писать получалось непостоянно, да и какая об этом могла быть речь во время выхода на операцию? Когда раз в месяц напишешь, иногда реже выходило, да и транспортные самолеты и вертолеты с почтой, случалось, сбивали душманы.

– Как складывались взаимоотношения с местными?

– В целом нормально. Поначалу, если было чем, проезжая на броне через селения, мы угощали выбегавших навстречу ребятишек тушенкой, хлебом, даже порой разрешали им залезать на броню, но потом душманы стали учить детей незаметно прикреплять к бронетехнике магнитные мины, пошли подрывы детей. После этого, естественно, никто к технике детей не подпускал.

Афганцы мастерски умели распространять легкие наркотики, частенько на них подсаживались наши солдаты. Идешь, например, по улице, а тебе с разных сторон кричат: «Командор, чах, чах!» – это была какая-то трава, засушенная и скатанная в небольшие палочки. Эту травку курило много старослужащих, молодым, правда, курить не давали. Опиумных полей везде было море, никто с ними тогда еще всерьез не боролся. Однажды, когда мы шли через одно такое поле, я сорвал две большие маковые головки, решив перекусить, но не успел я дожевать зерна, как мне стало все так безразлично: идешь, и тебе все равно – убьют тебя или нет. Так продолжалось часа два. Я взял домой несколько зернышек, потом посеял их в клумбе под окнами, хотел показать жене, насколько красивы диковинные афганские цветы. И как они зацвели, под окнами было настоящее красное море! Все соседи любовались. Участковый, проходя мимо, постоянно говорил мне: «Петя! Убери эту гадость из-под окошка!» На что я отвечал: «Да ладно, лейтенант, посмотри, какими яркими красками они цветут». Проснувшись как-то утром, я увидел, что все мои цветы срезаны под корень – видимо, кто-то оценил не только их красоту.

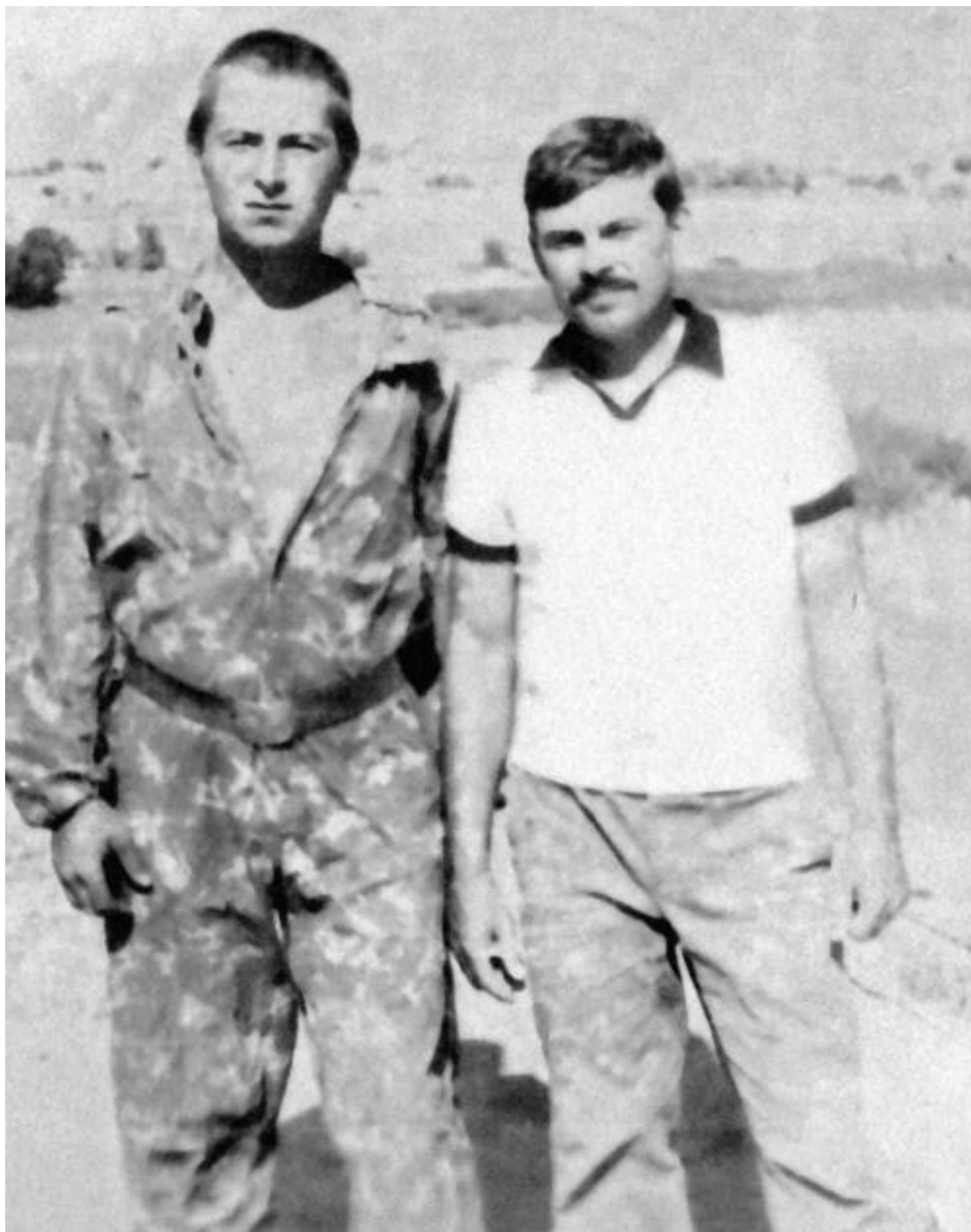
– Какие были ухищрения в экипировке и вооружении?

– Да что тебе удобно, то и носили. Проводит начальник штаба бригады строевой смотр перед операцией – на нем все стоят одетые по форме. Как только эта «волна» проходила и бойцы расходились готовиться, каждый обувал то, в чем ему было легче ходить по горам.

При переездах на броне и перелетах на «вертушках» мы часто надевали тяжелые пластинчатые бронежилеты, весившие 12,5 килограмма; держали они, правда, хорошо. Однажды бронежилет меня спас. Случилось это так: во время короткого перекура мы сидели группой довольно близко один от другого, за моей спиной боком ко мне сидел молодой солдат-срочник, пуля попала ему в незащищенный броней бок и, прошив парня насквозь, ударила мне в спину. Солдат умер на месте, а мою броню ослабленная пуля уже не взяла, оставив только огромный синяк. Случилось так, что погиб самый противный и нечистый на руку боец нашего подразделения, увлекавшийся еще и стукачеством, мы с «дедом»-старшиной молили Бога, чтобы

его на операции хлопнуло, и вот сбылась наша «мечта оккупанта». И, честное слово, его не было жалко, потому что он столько гадости всем нам сделал. Один старший лейтенант повез тело на родину погибшего, и родственники убитого чуть было не разорвали сопровождавшего, как будто старлей был в чем-то виноват. Ему повезло в том, что местный полковник-военком вовремя вступился и не дал им этого сделать.

АГС-17-е мы получили только к концу 1983-го, до них в нашем тяжелом взводе были 7,62-мм станковые ПК. Потом наши пулеметы раздали другим взводам роты, а мы получили три АГС. В расчете каждого гранатомета было три человека: один нес треногу, второй – тело гранатомета, и третий – коробки с боеприпасами. Коробку для лент обычно брали одну, а остальные ленты, которые очень легко и быстро заправлялись в эту самую коробку, вешали на себя. В сборе гранатомет весил 43 килограмма. Оружие это было хорошим. Когда ты сидел с ним где-нибудь в окопе – поднавел его, пристрелялся – и можешь гранаты из него в сорока метрах вокруг себя укладывать, при этом можно было вести огонь и на дальности до 1750 метров. Но, несмотря на то что каждый узел гранатомета упаковывался в свой отдельный чехол, таскать его с собой по горам было очень нелегким делом, да и чехлы очень быстро изнашивались.

П. Г. Скокленко (*справа*) со своим боевым товарищем

На мой взгляд, АГС наиболее приспособлен для открытой равнинной местности, нежели для той, в которой нам их приходилось применять. Кроме нашего взвода среди других подразделений выделялся и взвод огнеметчиков, оснащенных реактивными огнеметами «Шмель». Дальность стрельбы из них была около километра, после взрыва боеприпаса все, что находилось в зоне поражения, разлеталось и плавилось, заворачивались даже стволы деревьев. Одно-разовых гранатометов «Муха» и «Оса» у нас не было, применяли только старый добрый РПГ-7. «Калашниковы» были у нас 5,45-мм, у «зеленых» – обычно 7,62-мм, старые 7,62-мм были намного лучше новых 5,45.

Из техники добрым словом вспомню БМП-2. Вот это машина! Калибр 30 мм, 600 выстрелов в минуту, дальность полета снаряда под 8 километров, после чего он, не попав в цель, самоликвидировался, а если попал – то все. БМП-1 с гладкоствольными орудиями не жаловали и вскоре начали постепенно заменять. При попадании противотанковой гранаты в БМП-1 ее 73-мм боеприпасы давали такую детонацию, что башню срывало с погона и отбрасывало на несколько метров в сторону.

Афганской армии из нашего военного округа передали весь хлам, чтобы место не занимал: и старушки-«тридцатьчетверки», и БТР-40, и много другого старья.

– Из вашего рассказа становится очевидным, что в бригаде были высокие потери в личном составе. Как вы их оцениваете?

– В первый раз в Панджшер моя бригада сходила в 1982-м, еще до моего прибытия, потери только убитыми были более 20 человек. Большая часть ребят погибла в вертолетах. Во время проведения первой Панджшерской операции «духи» сбили в общей сложности 24 наших вертолета. Некоторые душманы были прикованы к пулеметам как смертники, поливая огнем своих ДШК идущие на бредущем «вертушки».

Один батальон только перебросили из Союза. Его командир решил проскочить узкое место дороги с ходу по долине. Проскочили: за три часа батальона не стало... 247 человек, они попали в подкову, их били как в тире.

И еще очень неприятно сегодня слушать, как наши «знатоки локальных конфликтов» сейчас часто сравнивают войну в Афганистане с Вьетнамской войной: мол, там погибло 60 000 американцев, а у нас за схожий период всего двенадцать с половиной тысяч. Да, по некоторым данным, там в день в среднем погибало 22 человека, умножь эту цифру на 10 лет и ужаснешься. За эти 10 лет через Афганистан прошло полтора миллиона человек, не считая бездельников-советников и гражданский персонал, плюс ко всему старшие офицеры и вовсе могли жить там с женами и детьми.

– Вы считаете, что вынесли с той войны для себя какой-либо положительный опыт?

– Я считаю, что наше поколение, воевавшее в Афганистане, достойно выполнило свой долг, сделав все от него зависевшее. А что мы вынесли для себя оттуда: у кого здоровья убавилось, у кого-то нервы стали ни к черту. Я сам там два раза малярией переболел и третий раз здесь, в Союзе: только приехал домой и загремел в инфекционную больницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.